

Problemy istorii, filologii, kul'tury

3 (2026), 176–192

© The Author(s) 2026

DOI: 10.18503/1992-0431-2026-3-93-176–192

Проблемы истории, филологии, культуры

3 (2026), 176–192

© Автор(ы) 2026

ИСТОРИЯ БЕЗ ИСТОРИКА: «ORIGO GENTIS ROMANAE» КАК САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ ИСТОЧНИК В ПОЗДНЕРИМСКОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Д.В. Кареев

Ивановский государственный университет, Иваново, Россия

E-mail: dima75ru@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-4911-0633

В статье впервые в отечественной историографии предпринята попытка изучения различных подходов к датировке, авторству и структуре одного из важнейших источников поздней античности – «Origo gentis Romanae», а также его места среди языческой позднеримской литературы. Именно через раскрытие этих вопросов можно вплотную подойти к рассмотрению «Origo gentis Romanae» как самостоятельного и отдельного произведения, а не только как части корпуса текстов, приписываемых Сексту Аврелию Виктору, на чем во многом настаивает зарубежная историография.

Ключевые слова: Поздняя Римская империя, латинская языческая историография, «Origo gentis romanae», Секст Аврелий Виктор, бревиарий, эпитама

ВВЕДЕНИЕ

Латинская языческая литература IV–V вв., за исключением фундаментального труда Аммиана Марцеллина, еще совсем недавно воспринималась как литература исключительно вторичная, лишенная какой-либо внятной исторической концепции. Считалось, что авторы этих работ никак не проявляют себя как самостоятельные историки, оставаясь бездумными компиляторами более выдающихся трудов прошлого. Во многом такое негативное мнение среди современных историков было сформировано и тем историческим контекстом, в котором жили эти авторы. Традиционно поздняя Римская империя в исторической науке воспринималась как эпоха упадка, не способная продемонстрировать свое лицо, а лишь готовившая следующий принципиально новый период развития. Естественным образом, подобный взгляд распространялся и на литературу того времени. Но благодаря появлению такого понятия как «долгая античность», в

Данные об авторе. Дмитрий Валериевич Кареев – кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии, социальной работы и управления персоналом ИвГУ.

результате чего был введен, по сути, новый этап в истории изучения древнего мира вообще и Римской империи в частности, эту концептуальную установку на сегодняшний день во многом удалось преодолеть¹.

Латинская языческая историография периода поздней Римской империи представляет собой, в какой-то степени, символический культурный феномен той эпохи, когда Рим переживал свое последнее политическое, административное и культурное возрождение: этому возрождению усиленно способствовали реформы Диоклетиана и Константина, которые продолжались в течение примерно полувека до конца царствования Феодосия Великого. Соответственно, отталкиваясь от этого контекста, все исторические работы языческих латинских авторов были объединены единой перспективой и целью. Как в случае Аммиана Марцеллина, Евтропия и Феста, их перспектива охватывала долгую историю Рима, от его основания вплоть до современных им дней, в случае Секста Аврелия Виктора, безымянного автора «Эпитомы из Цезарей» и «Scriptores Historiae Augustae» с самого начала правления либо Октавиана Августа, либо Адриана и также до современной им эпохе. Цель же их состояла в том, чтобы продемонстрировать преемственность истории Рима в его этических ценностях, политических институтах и военном авторитете, и предложить эту преемственность в качестве модели для империи и ее будущего².

Убедительные аргументы в пользу того, что эти историки и биографы не были простыми компиляторами сведений из прошлого, а имели свою достаточно четко обозначенную в их произведениях индивидуальность, эрудированность и тонкое знание греческой и латинской литературы, выдвинул еще в первую половину 1970-х гг. В. ден Бозр³. В дальнейшем, позиция В. ден Бозра по этому вопросу была закреплена в целом ряде статей и монографий⁴.

Не стали здесь исключениями и те исторические работы, авторство которых не поддается точной идентификации, что автоматически ставит вопрос о времени их создания. Среди таковых наибольший интерес вызывает трактат, получивший у историков условное название «Origo gentis Romanae». Этот текст является сборником из двадцати трех глав, который вместе с так же анонимным «De viris illustribus» и точно принадлежащим Сексту Аврелию Виктору «Liber de Caesaribus» составляет в рукописях единый корпус, из которого «Origo gentis Romanae» представляет собой первую его часть⁵.

Один из кодексов «Origo gentis Romanae» был обнаружен в Королевской библиотеке в Брюсселе еще в 1850 г. Т. Моммзеном и, в дальнейшем, введен в научный оборот⁶. С тех пор началось последовательное его изучение в западной историографии наряду с произведениями Секста Аврелия Виктора или приписывающихся ему. Вопросы, поднимавшиеся в этих исследованиях, были и остаются на сегодняшний день традиционными, но от этого не потерявшими свою актуальность, начиная от авторства и времени создания текста и до,

¹ Brown 1971, 29–45; Marcone 2008, 4–19; James 2008, 20–30.

² Bonamente 2003, 85.

³ Boer 1972, 187.

⁴ Из последних подобных исследований особенно следует отметить: Stover, Woudhuysen 2023, 418–420.

⁵ Richard 1983, 7.

⁶ Mommsen 1877, 26.

чрезвычайно важного вопроса, связанного с источниковой базой «Origo»⁷. Здесь следует упомянуть и активную деятельность, связанную с переводом «Origo» на европейские языки⁸. В рамках же отечественной историографии наблюдается критически малое число исследований, посвященных данному трактату. По сути, единственной обстоятельной работой до сих пор остается статья В.С. Соколова, опубликованная в 1963 г.⁹, и его же перевод «Origo gentis Romanae», выполненный в 1964 г., который нуждается в значительных уточнениях¹⁰.

Основной целью данной статьи является изучение различных подходов к датировке, авторству и структуре «Origo gentis Romanae», а также его места среди языческой позднеримской литературы. Именно через раскрытие этих вопросов можно вплотную подойти к рассмотрению «Origo gentis Romanae» как самостоятельного и отдельного произведения, а не только как части корпуса текстов, приписываемых Сексту Аврелию Виктору, на чем, во многом настаивает зарубежная историография.

Рассмотрим в начале, какое место «Origo gentis Romanae» занимает в структуре реальных или приписываемых Аврелию Виктору исторических произведений.

I. «ORIGO GENTIS ROMANAE» В СОСТАВЕ Т.Н. КОРПУСА СОЧИНЕНИЙ СЕКСТА АВРЕЛИЯ ВИКТОРА

Две рукописи XV в. – Codex Bruxellensis (Pulmanni) и Codex Oxoniensis – сохранили для нас корпус, включающий три небольших произведения: 1) «Origo gentis romanae»; 2) «Liber de viris illustribus urbis Romae»; 3) «Historiae abbreviate» Секста Аврелия Виктора, более известная как «Liber de Caesaribus». «Liber de viris illustribus» также дошла до нас в другой традиции, в которой отсутствуют последние девять жизнеописаний (Цезаря, Октавиана, Катона, Цицерона, Брута, Кассия, Секста Помпея, Марка Антония, Клеопатры) и которая отличается также в других отношениях. В современной историографии господствует точка зрения, что некий неизвестный составитель этого трехчастного корпуса написал пространное предисловие, которое во всех изданиях фигурирует именно как вступление к «Origo gentis romanae»¹¹. Как мы видим из этого предисловия, в нем имеется достаточно четкая цель:

«A Iano et Saturno conditoribus, per succedentes sibimet reges, usque ad consulum decimum Constantii, digesta ex auctoribus Verrio Flacco, Antiate (ut quidem idem Verrius maluit dicere, quam Antia), tum ex annalibus pontificum, dein Cincio, Egnatio, Veratio, Fabio Pictore, Licinio Macro, Varrone, Caesare, Tuberone, atque ex omni priscorum historia; proinde ut quisque neotericorum asseveravit, hoc est et Livias et Victor Afer».

А. Момильяно, ссылаясь на независимую рукописную традицию, полагает, что составитель корпуса также вырезал большую часть первой главы «De viris illustribus» и включил ее в заключительную XXIII главу «Origo», в которой мы читаем:

⁷ Momigliano 1958, 56–73; Puccioni 1958, 211–223; Smith 2005, 97–136.

⁸ Pseudo-Aurelius Victor 1983, 75–105; Haniszewski, Karas, Koch, Parobek, Pratt, Serwicki 2004, 1–19.

⁹ Соколов 1963, 62–75.

¹⁰ Секст Аврелий Виктор 1964, 197–240.

¹¹ Momigliano 1958, 56

«*Sed horum omnium opinionibus diversis repugnat nostrae memoriae proclamans historia Liviana, quae testatur, quod auspicato Romulus ex suo nomine Romam vocavit muniretque moenibus edixit, ne quis etc*»¹².

По мнению А. Момильяно, связь между этими словами и словами предисловия очевидна, поскольку эти два отрывка, взятые вместе, не только свидетельствуют о вмешательстве составителя, но и говорят кое-что о целях, образовании и, возможно, также о датах жизни этого человека¹³. К тому же, последняя XXIII глава «Origo» обрывается на фразе, продолжение которой мы находим уж во II главе «Liber de viris illustribus»¹⁴. Историк приходит к выводу, что составитель корпуса не идентичен автору так называемого «Origo». Автор корпуса критически смотрит на «Origo», как доказывают приведенные выше слова, в которых он противопоставляет традицию Тита Ливия как лучшую традицию писателям-республиканцам, столь обильно упоминаемым в так называемом «Origo»¹⁵. А. Момильяно убежден, что составитель не может быть идентичен и Аврелию Виктору, который писал на латыни гораздо лучше и, к тому же, фигурирует как «neotericus» в предисловии. Составитель собрал воедино три текста, но не написал ни один из них, для того чтобы создать то, что он назвал «*Origo gentis romanae a Jano et Saturno conditoribus per succedentes sibimet reges, usque ad consulatum decimum Constantii*». Из этого отрывка ясно, что «Origo gentis romanae» – это название не первого трактата, а всего трехчастного корпуса. Настоящее «Origo gentis romanae» – это не так называемое «Origo», а история Рима от его истоков до 360 г. н.э.¹⁶

С точкой зрения А. Момильяно согласен и В.С. Соколов, который высказывает более радикальный взгляд на предисловие к «Origo». Он считает, что оно вообще не принадлежит к античности, поскольку «в нем есть грубая ошибка грамматического порядка (*maluit dicere* вместо *maluit dici*); кроме того, сам Аврелий Виктор едва ли упомянул бы здесь самого себя». В конечном итоге, эти факты заставляют отечественного исследователя «предположить, что подзаголовок был составлен в XVI в. первым издателем сочинений Аврелия Виктора Андреем Скоттом»¹⁷.

Другую точку зрения высказал Дж. Пуччиони: предисловие не является общим для всего корпуса, а только исключительно для «Origo», поскольку в большинстве случаев содержащаяся в нем информация относится только к «Origo», источники которого оно перечисляет¹⁸. С ним также соглашается С. д'Элиа, считая, что структура корпуса в том виде, в каком она дошла до нас, отличается от той, которую оглашал его титул¹⁹. Действительно, автор этого предисловия проводил различие между «Origo», с одной стороны, и «De viris illustribus» и «De Caesaribus» Аврелия Виктора, с другой. Ж.-К. Ришар, переводчик «Origo gentis romanae», на это возражает, что этот контраст, отнюдь не преднамеренный, а отражает фактическую ситуацию, которая обусловлена доксографическим

¹² Momigliano 1958, 57. Следует отметить, что в современных критических изданиях текста «Origo» эта фраза удалена.

¹³ Momigliano 1958, 57.

¹⁴ Соколов 1963, 63. В современных переводах эта фраза также удалена из текста «Origo», как более поздняя интерполяция, хотя В.С. Соколов включает ее в свой перевод.

¹⁵ Momigliano 1958, 57.

¹⁶ Momigliano 1958, 58.

¹⁷ Соколов 1963, 62.

¹⁸ Puccioni 1958, 219.

¹⁹ D'Elia 1965, 108.

характером «Origo», а также отсутствием в последующих текстах каких-либо ссылок на источники, использованных их авторами²⁰. Это несоответствие также использовалось в поддержку теории, согласно которой предисловие и «Origo» были делом рук одного и того же человека. Ж.-К. Ришар приводит следующие аргументы о несостоятельности данной гипотезы. По его мнению, в предисловии, той его части, относящейся к «Origo», перечислено значительно меньше авторов, чем цитируется в самом произведении. Кроме того, Веррий Флакк, Гней Эгнаций Вераций и Варрон, в дальнейшем нигде не упоминаются в книге. То есть, предисловие – это работа некоего ученого, которому пришла идея объединить в единое целое три книги, которые, непрерывно повествовали о римской истории вплоть до 360 г. н.э.²¹

Таким образом, делая здесь промежуточный вывод из вышеприведенных точек зрения, мы согласны с тем, что автор «Origo gentis romanae» не идентичен тому человеку, который выступил в качестве компилятора единого корпуса из трех сочинений. Не является им и Секст Аврелий Виктор, упомянутый в предисловии, поскольку стиль, применяемые методы изложения материала и работа с источниками являются абсолютно разными и строго индивидуальными для каждого из этих трех трактатов. Однако, вполне возможно допустить, что предисловие, или по крайней мере, какая-то его часть действительно относится к оригинальному тексту «Origo», задающее определенные концептуальные установки неизвестного автора, тем более что без подобного предисловия не обходилось ни одно историческое сочинение античности. В нем упомянуты те источники, которыми активно воспользовался, автор «Origo». Тот факт, что некоторые авторы не упомянуты в дальнейшем повествовании, можно легко объяснить тем, что мы не обладаем полным текстом «Origo», обрывающимся на версиях убийства Рема. Вполне возможно допустить, что эта книга рассказывала и о дальнейших событиях римской истории. По нашему мнению, в случае с предисловием мы наблюдаем те же самые вмешательства неизвестного компилятора, который попытался связать два абсолютно разных текста, как мы видели ранее, а именно «Origo gentis romanae» с «Liber de viris illustribus urbis Romae». Фраза «*usque ad consulatum decimum Constantii*» как раз и может быть такой вставкой, связывающей «Origo gentis romanae» уже с «De Caesaribus» Аврелия Виктора. Обстоятельством, подтверждающим факт вмешательства компилятора, может служить точно такая же фраза из введения к историческому труду того же Аврелия Виктора – «*usque ad consulatum decimum Constantii Augusti*», которую он, скорее всего, и перенес, для связности, в предисловие к корпусу. Вводящая здесь в некоторое недоумение современных историков фраза «*proinde ut quisque neotericorum asseveravit*» также вполне укладывается в концепцию автора «Origo». Упоминание неотериков, кружка поэтов I в. до н.э. или «новейших», как их называл Цицерон, далеко не случайный факт. Они весьма органично вписываются в круг источников «Origo» и уже в силу этого достойны упоминания. К тому же, слово «neotericus» было популярно в IV–VI вв. Поэтому безымянный автор понимает «neotericus» как писателей эпохи Августа или после Августа²². Кроме того, од-

²⁰ Richard 1983, 11.

²¹ Richard 1983, 12.

²² Momigliano 1958, 58–59.

ной из составляющих творчества неотериков было увлечение мифологической ученостью²³, как раз то, чем и занимается анонимный автор «Origo» в своей работе. При этом, если вспомнить вступление к «Ab Urbe condita» Тита Ливия, то там мы найдем любопытные параллели. Ливий утверждает, что «рассказы о событиях, предшествовавших основанию Города и еще более ранних, приличны скорее творениям поэтов, чем строгой истории, и того, что в них говорится, я не намерен ни утверждать, ни опровергать. Древности простительно, мешая человеческое с божественным, возвеличивать начала городов» (Liv. I. Praef. 6)²⁴. В этих словах мы можем прочесть последующее развитие концепции автора «Origo», направленной на «научное» объяснение мифологических основ римского государства. Остается упоминание имени «Victor Afer». Соблазн видеть здесь Секста Аврелия Виктора историка африканского происхождения очень велик, и скорее всего, это он и есть. Составитель корпуса снова здесь выстраивает своеобразный мостик между текстами корпуса и сознательно вводит имя этого историка в текст предисловия, чтобы подчеркнуть преемственность и неразрывность всех трех произведений.

Наконец, неслучайно употребление и самого слова «origo» в названии анонимного сочинения. Как справедливо заметил А. Момильяно, его значение в качестве исторического произведения восходит к недошедшим до нас «Origines» Катона Старшего²⁵. Позднейшие авторы осознавали ценность названия труда Катона. Так, Секст Помпей Фест, римский грамматик II в. н. э., автор труда «De verborum significatu» замечает: «*Originum libros quod inscripsit Cato, non satis plenum titulum propositi sui videtur amplexus*»²⁶. Одна из частей «Хронографа 354 года», где кратко излагается Римская история от Пика и Фавна до императора Лициния, называется «Origo gentis Romanorum»²⁷.

II. ДАТА СОСТАВЛЕНИЯ «ORIGO GENTIS ROMANAE»

Датировать «Origo» еще более сложная задача, чем устанавливать его индивидуальность как текста в т.н. общем корпусе сочинений Аврелия Виктора. Здесь встает закономерный вопрос, рассматривать ли «Origo» как некий оригинальный текст и, соответственно, датировать его отдельно от всего корпуса, либо связывать время его создания и редактуры с работой неизвестного компилятора.

Наиболее раннюю датировку «Origo» обосновывает В.С. Соколов. Его аргументы основываются на источниках, которые использует автор «Origo». Он считает маловероятным, что «Origo gentis romanae» – продукт исторической мысли поздней античности. По его мнению, «оно могло быть взято в готовом виде из какой-нибудь работы, сохранившейся от прежнего времени, по-видимому, не раньше I в. н. э. и не позже, что нам кажется достоверным, поскольку указанные в нем источники принадлежат главным образом ко II и I вв. до н.э.»²⁸.

Однако в современной историографии в большинстве случаев принято рассматривать датировку «Origo» без отрыва от всего корпуса сочинений Аврелия

²³ Дуров 2022, 215.

²⁴ Пер. В.М. Смирин.

²⁵ Momigliano 1958, 58.

²⁶ Momigliano 1958, 58.

²⁷ Momigliano 1958, 58.

²⁸ Соколов 1963, 74.

Виктора. Следует отметить, что еще одно сочинение этого корпуса, а именно «De viris illustribus» так же не имеет точной датировки. Но третий текст, сочинение Аврелия Виктора «De Caesaribus» четко датируется 360 г. Поэтому, по мнению А. Момильяно, именно 360 г. представляет собой *terminus post quem* для составления корпуса и является приблизительной датой этой компиляции. Однако трудно понять, почему составитель, если он принадлежал к более позднему периоду, решил представить римскую историю вплоть до такой неудобной даты, которая даже не является концом правления какого-либо императора. А. Момильяно отмечает, что на первый взгляд составитель, это, по-видимому, человек, живший немногим позже 360 г. На это указывают два обстоятельства: во-первых, он использует термин «*neotericus*», так же, как и Иероним Стридонский, и, во-вторых, знает, что Аврелий Виктор был африканцем. Возражением против этой даты и отнесение составления корпуса к более позднему периоду, к первой половине V в. может быть то, что существуют хорошо задокументированные интерполяции из Евтропия и Павла Орозия, которые были вставлены в текст «De viris illustribus» в том виде, в каком он представлен в корпусе. Эти вставки не встречаются в независимой рукописной традиции «De viris illustribus». И если мы приписываем эти интерполяции составителю корпуса, то он должен быть старше 417 г. н.э., то есть даты составления «*Historiae adversus paganos*» Орозия²⁹. Но А. Момильяно считает, что отождествление составителя корпуса с интерполятором «De viris» является ненужным и почти наверняка неправильным. На это указывает то, что интерполятор использовал для своей работы не оригинальные тексты Евтропия и Орозия, а отрывки их работ, которые можно найти в «*Historia Romana*» («*Historia Miscella*») лангобардского историка X–XI вв. Ландульфа Сагакса. Следовательно интерполятор должен был жить позже 1020 г., приблизительной даты работы Ландульфа Сагакса, и, следовательно, должен отличаться от составителя корпуса, который по своим лингвистическим и культурным особенностям безошибочно считается современником Иеронима Стридонского³⁰.

Дж. Пуччиони предлагает значительно более позднюю датировку и относит объединение наших трех текстов ко второй половине VI в., однако полагает, что сам текст «*Origo*» был написан между 350–400 гг.³¹ Засвидетельствованный для IV в. сохраняющийся определенный интерес к сборникам, в которых в краткой форме излагалась вся римская история, можно привести в подтверждение этой низкой хронологии³².

Ж.-К. Ришар относит составление корпуса к 580-м гг., исходя из той посылки, что еще до конца VIII в. существовало рукописное единство двух произведений, а именно «*Liber de Caesaribus*» и «*Epitome de Caesaribus*», приписываемых одному автору Сексту Аврелию Виктору, и обе книги когда-то оказались объединенными в одном историческом сборнике. Так, в «*Historia Langobardorum*», завершенной до 796 г., Павел Диакон приводит цитату Аврелия Виктора, которая содержится как в «De Caesaribus», так и в «*Epitome de Caesaribus*», в то время как в его «*Historia Romana*», датируемой не позже 782 г., присутствует три цитаты из «*Epit-*

²⁹ Momigliano 1958, 59.

³⁰ Momigliano 1958, 59.

³¹ Puccioni 1958, 222–223.

³² Brown 1971, 29–30.

ome de Caesaribus». Из того факта, что имя Аврелия Виктора нигде не упоминается в «Historia Romana» Ж.-К. Ришар делает следующие выводы. С одной стороны, все происходит так, как если бы Павел Диакон не знал «De Caesaribus», а только «Epitome de Caesaribus», несомненно, еще в его эпоху, приписываемую Аврелию Виктору. С другой стороны, явного дисбаланса в цитировании, характерного для «Historia romana», достаточно, чтобы установить, что уже в третьей четверти VIII в. кодикологическое целое этих двух исторических сочинений перестало существовать. Но это единство все еще существовало в 559 г., когда Иоанн Лид написал свой «De Magistratibus reipublicae Romanae», в котором он цитирует как Аврелия Виктора, так и «Epitome». Таким образом, между этой датой и 782 г. наш корпус, куда входил и «Origo», по-видимому, заменил собой объединение «De Caesaribus» и «Epitome de Caesaribus», делает вывод Ж.-К. Ришар³³. Он также выдвигает гипотезу о том, что на формирование нашего общего корпуса оказало влияние как «Historiae Ecclesiasticae Tripartitae Epitome» Кассиодора, так и хорошо засвидетельствованная мода на сборники, охватывающие в сокращенной форме прошлое Рима³⁴.

Самую позднюю датировку «Origo» предложил Б.Г. Нибур. Он считал, что этот текст вообще нужно отнести к началу XVI в., полагая, что это не более чем как подделка, вышедшая из гуманистической среды того времени. Он рассматривал «Origo» как самостоятельное произведение, дата которого могла быть установлена без какой-либо ссылки на некий «корпус», в котором оно было передано. Однако эта гипотеза была успешно опровергнута еще во второй половине XIX в. Аргументы против датировки Б.Г. Нибура были следующие: уникальное использование имени Геракла Resaranus в главе VI «Origo» нигде больше не встречается, но подтверждается именем Garanus в обширных комментариях к Вергилию римского грамматика IV в. Сервия, которые были впервые опубликованы только в 1600 г.; список колоний, выведенных в правление Латина Сильвия в главе XVII, можно сравнить только со списком, который есть у Диодора, но наш единственный источник, упоминающий этот факт, приводится в армянском переводе Евсевия, ставшим известным также только в 1817 г.; фраза Рема в главе XXIII «*multa, inquit, in hac urbe temere sperata atque praesumpta felicitasime proventura sunt*» повторяется только в «Excerpta vaticana» Диодора, которые были обнаружены и опубликованы в 1827 г.³⁵.

В этом контексте в качестве промежуточного вывода вновь следует упомянуть «Origo gentis Romanorum» «Хронографа 354 года», который, как считает А. Момильяно, «представляет собой вульгарную и популярную компиляцию». По своей краткости и отсутствию хотя бы малейшей индивидуальности он не может сравниться с длинным, стилизованным и, в определенной степени, научным «Origo». Но название в обоих случаях одно и то же и используется с одинаковым значением «история». Структура также почти одинакова. Поэтому либо компилятор более позднего и крупного «Origo», созданного очевидно после 360 г., был вдохновлен более ранним и меньшим «Origo», созданного до 354 г., либо оба отражают некую общую модель. Т. Моммзен утверждал, что более раннее и

³³ Richard 1983, 18–19.

³⁴ Richard 1983, 19.

³⁵ Momigliano 1958, 63; Richard 1983, 20–21; Smith 2005, 99.

меньшее по размеру «Origo» было известно Евтропию и Иерониму Стридонскому. Тот факт, что меньший «Origo» был предназначен для необразованных людей и, по крайней мере, в его нынешнем контексте, по своему характеру является христианским, не исключает его влияния на больший «Origo», который был составлен для образованных людей своего времени и определенно носит языческий характер. На это указывают упоминаемые в тексте «Origo» всевозможные гадания (XI. 3), оракулы (XII. 3), знаки, посылаемые богами (XIX. 4) и жертвоприношения (VIII. 4). Более ранний «Origo» вполне мог натолкнуть на мысль о том, что был необходим ученый, авторитетный и языческий «Origo», который также внес бы свой вклад в своеобразную «борьбу идей» язычества и христианства IV в.³⁶

III. СТРУКТУРА И ИСТОЧНИКИ «ORIGO GENTIS ROMANAE»

«Origo gentis romanae» представляет собой довольно цельный и структурно единый текст повествовательного характера, сравнимый с анналами. При внимательном чтении обнаруживается, что автор сюжетно разбивает его на ряд частей, каждая из которых подчинена определенной источниковой базе. По нашему мнению, текст «Origo» за исключением вступления может быть условно разделен на шесть смысловых эпизодов, каждый из которых так же обладает своей внутренней структурой, включающей в себя различные версии тех или иных событий. Схема нам здесь видится следующая.

Вступление: упоминаемые источники сведений: Марк Веррий Флакк, анналы понтификов, Гней Эгнаций Верраций, Фабий Пиктор, Лициний Макр, Марк Терренций Варрон, Гай Юлий Цезарь (историк, дед полководца и диктатора Гая Юлия Цезаря), Квинт Элий Туберон, неотирики, Тит Ливий, Секст Аврелий Виктор, упоминаемый как Виктор Афр.

Часть 1. Рассказ о том, кто первым прибыл в Италию. (1) Первая версия прибытия Сатурна (I. 1–4); (2) версия с прибытием Атенора и основание Патавии (I. 5–9); (3) версия с ребенком дочери афинского царя Эрехтеи Креусы Яном (II. 1–4) и основание Яникула; (4) вторая версия прибытия Сатурна в Италию во время правления Яна в Италии, с рассказом о том, чему научил Сатурн жителей Италии (III. 1–7). Упоминаемые источники сведений: Вергилий, неизвестный автор, написавший «Происхождение города Патавии», сам автор «Origo», написавший комментарии к «Происхождению города Патавии».

Часть 2. (1) Прибытие в Италию после «потопа» племен аборигенов (версия с происхождением этих племен и их названием), правление Пика и Фавна (Сильвана) (IV. 1–6); (2) прибытие в Италию аркадца Эвандра, сына Меркурия и Карменты, основание им Палатина, и рассказ о том чему научил Эвандр жителей Италии (V. 1–4); (3) история пастуха Рекарана или Геркулеса (две версии этого события) (VI–VII. 1–4); (4) Геркулес или Рекаран обучают исполнению священных обрядов «Потия» и «Пенария»³⁷ (ошибка автора: это роды, а не конкретные люди) (VIII.

³⁶ Momigliano 1958, 62.

³⁷ Схожая фраза о том, что это конкретные люди, а не отдельный роды, есть в «Сатурналиях» Макробия: «Поэтому, намереваясь совершить священнодействие, Геркулес запретил женщинам присутствовать [на нем] и приказал блюстителям священнодействий Политию и Пинарию, чтобы они не пускали тех [на богослужение].» (I. 12. 28. Пер. с лат. и древнегр. В.Т. Звиревича). Феодосий Макробий 2024, 50–51.

2–6). Упомянутые источники сведений: Квинт Энний, Вергилий, Тит Макций Плавт, Кассий Геминус.

Часть 3. Прибытие в Италию Энея в правление сына Латина Фавна. История спасения Энея из Трои. Две версии о спасении Энея: (1) спасся с отцом и с двумя сыновьями; (2) с одним сыном Асканием Юлом и отцом (IX. 1–3). Путешествие Энея. Упомянуты следующие события: (1) основание во Фракии города Энеума (IX. 4); (2) прибытие на остров Делос, где он взял себе в жены Лавинию, дочь жреца Аполлона Ания (IX. 5); (3) похороны кормчего Мизена в Италии (IX. 6); (4) прибытие Энея в город Кимбария (Кумы), где Сибилла предсказывает ему будущее (X. 1–2); (5) прибытие Энея в город Кайеты (X. 3–4); (6) прибытие Энея в царство Латина, в местность Лаврент (X. 5); (7) жертвы богам, основание города Лавиния (1 версия: XI. 1–3), две версии жертвоприношения богам Энея (2 и 3 версия: XII. 1–3); (8) выделение царем Латинем 500 югеров земли Энею для поселения (две версии этого события: XII. 4–5); (9) несостоявшаяся битва между Латинем и Энеем, дружественный союз с Энеем (XIII. 1–3); (10) строительство Лавиния (2 версия), женитьба Энея на дочери царя Латина Лавинии (ср. с IX. 5), которая до этого была посватана за Турна Гердонского (ошибка автора, на самом деле это Турн царь рутулов XIII. 4); (11) битва Энея и Латина против Турна, победа Энея и убийство Турна, объявление Энея царем (XIII. 5–7); (12) альтернативная версия гибели Турна (XIII. 8); (13) продолжение войны против рутулов; (14) битва Энея против рутулов и их союзника царя агиллеев Мезенция, три версии гибели Энея (XIV. 1–4); (15) избрание царем Аскания или Еврилеона (XIV. 5). Упомянутые источники сведений: Александр Эфесский, Лутаций Дафнис, Гай Юлий Цезарь, Вергилий, Вулкаций Сегидий, Ацилий Пизон, Семпроний Тудитан, Домиций (?), Марк Октавий, Марк Порций Катон Старший.

Часть 4. Происхождение и правление Аскания Юла, потомки Аскания Юла и их правление. (1) Война Аскания против Мезенция и его сына Лавза, гибель Лавза и бегство Мезенция (XV. 1–4); (2) происхождение Аскания и его прозвища Юл (XV. 5); (3) бегство Лавинии к начальнику стад Энея Тирру и рождение ей сына Сильвия, слухи об убийстве Лавинии Асканием, бунт против Аскания, две версии возвращения Лавинии Асканием в город (XVI. 1–5); (4) через 30 лет Асканий основывает Альбу Лонгу (XVII. 1–3); (5) смерть Аскания и борьба за власть между сыном его Юлом (?) и Сильвием Постумом, царем избирается Сильвий (XVII. 4–5), вывод колоний в правление Сильвия (XVII. 6); (6) царствование Тиберия Сильвия, сына Сильвия, его гибель в войне (XVIII. 1); (7) правление Аремула Сильвия, его высокомерие по отношению к людям и богам, две версии его гибели (XVIII. 2–4), правление Авентина Сильвия и версия его гибели в сражении (XVIII. 4). Упомянутые источники сведений: Гай Юлий Цезарь, Авл Постум, Марк Порций Катон Старший, Секст Геллий, Луций Цинций Алиммент, Квинт Элий Туберон, анналы понтификов, Лутаций Дафнис, Ацилий Пизон, Ауфидий, Домиций (?).

Часть 5. Правление царя Проки, его преемников Нумитора и Амулия. Начало истории Ромула и Рема до основания Рима. (1) Правление царя Проки, его наследники Нумитор и Амулий, раздел имущества, когда Нумитор предпочел частное имущество, Амулий царскую власть (XIX. 1–2); (2) убийство Амулием сына Нумитора, сестру убитого Рею Сильвию он приказал сделать весталкой (XIX. 3–4); (3) вторая версия с Реей Сильвией, согласно которой, Амулий в роще Марса

учинил над ней насилие, рождение близнецов и убийство Реи Сильвии (XIX. 5–6); (4) версия, с подменой Нумитором близнецов у Амулия, настоящие близнецы отданы пастуху Фаустулу (XIX. 7); (5) третья версия с Реей Сильвией, ее соблазнение богом Марсом в священной роще (XX. 1); (6) вторая версия с близнецами, согласно которой Амулий приказал отнести младенцев к реке и бросил их в воду, спасение их Фаустулом, который передал их на воспитание своей жене Акке Ларенции (XX. 2–4); (7) третья версия с близнецами согласно которой Амулий передал их для убийства рабу Фаустулу, но, упрощенный Нумитором не убивать их, отдал на прокормление знакомой ему женщине Акке Ларенции, которую звали волчицей из-за торговли своим телом (XXI. 1); (8) воспитание близнецов в Габиях, убийство Ромулом с вооруженными пастухами Амулия, восстановление во власти Нумитора, версия с происхождением имен Ромула и Рема (XXI. 2); (9) священные игры при жертвоприношениях, устроенные Ромулом и Ремом (XXII. 1); (10) вторая версия с убийством Амулия Ромулом и Ремом (XXII. 2–4). Упоминаемые источники сведений: Валерий Анциат, Марк Октавий, Лициний Макр, Фабий Пиктор, Венноний, Квинт Энний, Гай Юлий Цезарь, анналы понтификов.

Часть 6. Основание Рима. Версии. (1) Спор Ромула и Рема по поводу основания города, гадания по птицам, по совету Нумитора (XXIII. 1–4); (2) вторая версия спора, убийство Рема и Фаустула, противящихся Ромулу (XXIII. 5); третья версия спора, что Рем не был убит и жил дольше Ромула (XXIII. 6). Упоминаемые источники сведений: Лициний Макр, Гней Эгнаций Верраций.

Как мы можем убедиться, структурно «*Origó*» очень странный текст. В первой и второй части, охватывающих главы с I по VIII, обсуждаются, в основном, некоторые мифологические отрывки из «Энеиды» и их следствия для истории Италии. До шестой главы единственными явными источниками сведений являются Вергилий, Энний и Плавт. Есть только одно исключение: ссылка на некую работу «*De Origine Patavina*» и комментарии к ней, составленные самим автором «*Origó*». Все это должно настроить читателя на обсуждения в стиле «Сатурналий» Макробия, но начиная с третьей части или главы IX, рассказа о прибытии в Италию Энея мы замечаем изменения, свидетельствующие о переходе к историческому повествованию. Последний раз Вергилий упомянут только в IX. 7, когда речь идет о смерти кормчего Энея Мизена. Фактически, начиная с девятой главы и до конца идет поток ссылок на древнеримских антикваров и историков. В качестве основного источника информации Вергилия заменяют историки, главным образом республиканские. По мнению А. Момильяно, меняется и литературная форма, которая становится менее личной и дискурсивной, а ссылка на Вергилия в VII. 4 («*Quam opinionem sequi metuit noster Maro*») доказывает, что автор сознательно планирует это изменение³⁸. В определенной степени, это изменение должно быть как-то связано с устоявшейся традицией в римской историографии. Автору «*Origó*» пришлось отказаться от Вергилия, когда он перешел к повествованию об Энее, поскольку история того, рассказанная Вергилием, уже не соответствовала канонам исторического повествования.

Особенностью «*Origó*» является то, что неизвестный автор любит цитировать два или даже три источника для одной и той же точки зрения, как, например, в одной из версий основания Лавиния упоминаются Цезарь-историк и Лутаций

³⁸ Momigliano 1958, 70.

Дафнис («*ut scribit Caesar libro primo et Lutatius libro secundo*»; XI. 3), или в случае происхождения Аскания и его прозвища Юл, когда автор ссылается на того же Цезаря-историка и Марка Порция Катона Старшего («*ut scribunt Caesar libro secundo et Cato in Originibus*»; XV. 5). Терминология, которую он использует в обращении со своим источником, фиксируется практически без изменений. «Scribere», «tradere», «docere» – это те глаголы, к которым автор «Origo» предпочитает прибегать, представляя читателю свои источники. Многочисленные «at vero», разбросанные по всему тексту, служат ему знаком того, что он переходит к важному варианту традиции, которой придерживался до сих пор. Эти стилевые особенности подпадают под то, что, по мнению П. Шмидта, следует называть тем набором методов, позволяющих смягчить разнородный и иногда противоречивый характер заметок различного происхождения и содержания, которые в ходе своего повествования анонимный автор сопоставляет, рассказывая об одном и том же событии³⁹.

Все это натолкнуло Х. Питера, на версию о том, что автор «Origo» использовал текст первой книги «Римских древностей» Дионисия Галикарнасского в качестве своего основного источника, поскольку между ними действительно наблюдается значительное сходство, начиная с объяснения слова «аборигины» и, заканчивая, общей структурой истории о Ромуле⁴⁰. С ним не соглашается А. Момильяно, приводя убедительные аргументы в пользу того, что автор «Origo» никогда не зависел от Дионисия в строгом смысле слова. Так, к примеру, у обоих авторов не идентична история Эвандра, имя Никостраты, матери Эвандра, можно также найти у Плутарха, Рекаран как имя Геракла неизвестно Дионисию, у Дионисия Кайета дает свое имя мысу, а в «Origo» – гавани, и так далее⁴¹. Однако, по крайней мере, присутствует одна общая черта в расположении их материала, которую вряд ли можно считать случайной. Оба автора объективно описывают мифические и эвгемерические версии легенд: их трактовка истории о Геракле является особенно хорошим примером их общего подхода. Дионисий не был оригинален в своем отношении к раннему Риму, и можно с уверенностью предположить, что он нашел мифологические и эвгемерические версии, уже объединенные в его источниках. Это означает, что и автор «Origo», возможно, пользовался подобными книгами поскольку его ссылки на республиканских историков и антикваров кажутся подлинными.

Теория единого источника была сформулирована еще в XIX в. Х. Беренсом⁴² и нашла свое дальнейшее развитие в исследованиях П. Шмидта⁴³. Х. Беренс полагал, что анонимный автор «Origo» позаимствовал для своей брошюры текст какой-то несохранившейся работы Веррия Флакка, на том основании, что его имя стоит первым в числе тех, которые упомянуты в предисловии⁴⁴. Так же, когда дело доходит до цитат, автор «Origo» ссылается на «De verborum significatu» Веррия, или, скорее всего, на эпитому этого сочинения, выполненную Секстом Помпеем Фестом. Желая придать некоторую последовательность своей гипотезе, Х. Беренс был вынужден исправить текст предисловия, который он предлагал прочитать

³⁹ Schmidt 1978, 1594.

⁴⁰ Peter 1912, 85.

⁴¹ Momigliano 1958, 71.

⁴² Behrens 1887, 778.

⁴³ Schmidt 1978, 1611–1615.

⁴⁴ Behrens 1887, 778.

следующим образом: «*digesta Verrio Flacco ex auctoribus...*» вместо «*digesta ex auctoribus Verrio Flacco*»⁴⁵. Однако Ж.-К. Ришар нашел эти доводы Х. Беренса неубедительными⁴⁶, а А. Момильяно, на основании упоминания Веррия Флакка только в предисловии, но не в тексте «*Origo*», пришел к выводу, что «*Origo*» содержит в себе признаки сокращения⁴⁷. Действительно, трудно поверить, что Марк Веррий Флакк никогда не упоминался в тексте «*Origo*» (это касается и Гнея Эгнация Веррация и Марка Терренция Варрона, упомянутых также только в предисловии). Здесь встает вопрос о том, зачем автору «*Origo*» понадобилось добавлять эти три имени в свое предисловие, если их нет далее в тексте? Возможно, здесь мы наблюдаем работу составителя корпуса, а не собственно автора «*Origo*». Маловероятно, что он добавил эти три имени по собственному желанию просто для того, чтобы указать, что он считал их источником «*Origo*». По всей видимости, имена Веррия Флакка, Веррация и Варрона когда-то упоминались в тексте. Если это так, то они должны были встречаться в части, ныне утраченной, полагает А. Момильяно⁴⁸.

Относительно подлинности цитат «*Origo*» были приведены весомые аргументы в пользу их достоверности⁴⁹. А. Момильяно сделал предположение, что «*Origo*» восходит к источникам эпохи Августа и заключает, что во второй части «*Origo*» мы имеем свободную переработку книги, написанной при Августе или Тиберии, которая содержала ссылки на более ранних писателей⁵⁰.

IV. «ORIGO GENTIS ROMANAE» КАК САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Попытаемся теперь рассмотреть «*Origo*» как самостоятельный источник, со своей оригинальной концепцией, которую попытался заложить в свой текст безымянный автор. Без сомнения, целью ее автора (вероятно, грамматика⁵¹) было разъяснение прошлого Рима от Януса и Сатурна до Ромула. Поэтому из того, что сказано о его источниках, возникает соблазн причислить его к составителям брeвиариев и эпитом, которыми была наполнена интеллектуальная жизнь поздней античности. И здесь вновь мы сталкиваемся с проблемным вопросом авторства. Самостоятельный ли это позднеантичный текст, не дошедший до нас в полном объеме, или же это работа неизвестного компилятора, попытавшегося создать полный обзор римской истории от Яна и Сатурна до правления Констанция II? Если предположить, что это был некий компилятор, то крайне маловероятно, что составитель корпуса Аврелия Виктора действительно создал текст «*Origo*» из кропотливого изучения более ранних историков: более правдоподобно, что он сократил работу, которая опиралась на их опыт. Некоторые признаки сокращения текста действительно присутствуют в «*Origo*», однако они столь незначительны и эфемерны, что не могут являться убедительными доказательствами. К тому

⁴⁵ Behrens 1887, 779.

⁴⁶ Richard 1983, 43.

⁴⁷ Momigliano 1958, 65.

⁴⁸ Momigliano 1958, 66.

⁴⁹ Momigliano 1958, 66–70; Smith 2005, 100–103.

⁵⁰ Momigliano 1958, 71.

⁵¹ Banchich 2007, 308; Sehlmeier 2004, 22–27.

же, если считать предисловие к «Origo» относящимся только к нему, а не ко всему корпусу, то работа обозначается именно как история, а не как эпитома или бревиарий.

Термин «breviarium» наиболее близок тексту «Origo», поскольку был уместен для текстов, в которых содержалось краткое изложение темы, основанной на нескольких, чаще всего, не называемых источниках, однако неизвестный автор предпочел не обращаться к нему, в отличие от многих других произведений, где этот термин явно фигурирует и даже выносится в название работы⁵².

В случае с эпитамами мы сталкиваемся с проблемами двойного авторства, когда есть создатель оригинала и создатель эпитомы. Недавнее исследование жанра эпитом предлагает выделить четыре основные его категории: 1) сокращение одного текста; 2) сокращение одного текста с дополнительным материалом; 3) сокращение нескольких текстов одного автора; 4) сокращение нескольких текстов нескольких авторов⁵³. При этом, автор эпитомы обычно обозначает и автора сокращаемого текста. Примеров таких множество начиная с Плиния Старшего («Diophane qui ex Dionysio epitomas fecit»), Юстина («Epitoma Historiarum Philippicarum Pompei Trogi»), Флора («Flori Epitomae de Tito Livio bellorum omnium annorum DCC libri duo») и заканчивая предполагаемыми современниками автора «Origo» («Incerti Auctoris Epitome De Caesaribus libellus de vita et moribus imperatorum brevatus ex libris Sexti Aurelii Victoris a Caesare Augusto usque ad Theodosium»)⁵⁴. Как правило, в большинстве случаев обозначаются оба автора, но если фигурирует только один, то гораздо более вероятно, что это оказывается тот человек, чья работа была сокращена⁵⁵. В случае с «Origo» мы не наблюдаем ничего подобного. Все это лишний раз служит доказательством оригинальности и самостоятельности автора «Origo». Это не «epitome», «breviarium» или «historiae abbreviatae», а отдельное произведение, автоматически включенное в сборник в неполном виде, обрывающимся на середине повествования. В предисловии к «Origo» мы видим (хотя и в несколько искаженном виде, как показано ранее) скорее вступление к классическому историческому труду, с перечислением источников информации, а не тех произведений, которые подвергаются сокращениям.

Как справедливо заметил К. Смит, «Origo» нервирует нас своими цитатами⁵⁶. Ближайшая аналогия к тексту «Origo» это, без сомнения, другой загадочный текст поздней античности – «Scriptores Historiae Augustae». Обилие цитат и ссылок на самые разнообразные источники так же является его характерной чертой. Однако, в отличие от «Origo», эти цитаты и источники «Scriptores Historiae Augustae» в большинстве своем вымышлены автором или авторами этого сборника биографий. Но «Scriptores Historiae Augustae» дает нам другой повод для размышлений о природе «Origo». Автор или авторы биографий императоров также сформировали корпус, как и в случае с корпусом текстов Аврелия Виктора, и, почти, наверняка, обосновали его составление и источники в предисловии к нему, ныне утраченном. Здесь мы видим во многом схожую картину. Но, кто бы

⁵² Stover, Woudhuysen 2023, 46–47.

⁵³ Stover, Woudhuysen 2023, 45.

⁵⁴ Stover, Woudhuysen 2023, 48–50.

⁵⁵ Stover, Woudhuysen 2023, 50.

⁵⁶ Smith 2005, 100.

ни были авторами «истории Августов», они реально или мнимо «сотрудничали» друг с другом в рамках текстов своего корпуса. Так, например, «Флавий Вописк» ссылается на «Треbelлия Поллиона» (SHA. Vit. Aug. II. 1), «Юлия Капитолина» и «Элия Лампридия» (SHA. Vit. Prob. II. 7), что, действительно, создает определенную логику исторического и, даже, художественного повествования. В случае же корпуса Аврелия Виктора, мы снова видим прямо противоположную картину, где полностью отсутствует сотрудничество между тремя авторами. Эти тексты как самостоятельные произведения были собраны одним компилятором, который минимально вмешался в их структуру, чтобы создать иллюзию более-менее связанного и единого повествования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, можно сделать ряд выводов относительно «*Origo gentis romanae*». Во-первых, автором «*Origo*», без сомнения, был человек, который жил в современной атмосфере языческих дискуссий о Вергилии и ранней римской истории, чрезвычайно популярных в IV–V вв. Возможно, сначала он попробовал свои силы в создании комментария к труду о происхождении города Патавии («*suo loco plenissime annotavimus in commentatione, quam hoc scribere coepimus, cognita ex libro, qui inscriptus est De Origine Patavina*»; I. 6). Позже он предпринял попытку более амбициозной работы о происхождении Рима. Он разделял восхищение своих современников архаичными текстами и был убежден, что авторы эпохи Республики лучше всех разбираются в мифологическом прошлом Рима. По всей видимости, как показывает Дионисий Галикарнасский, общая схема изложения ранней истории была разработана уже во времена Августа, и автор «*Origo*» взял за правило никогда не цитировать авторов, писавших позже Августа.

Во-вторых, определенные стилистические и фактологические особенности не препятствуют отнесению «*Origo*» к 350–400 гг. н.э. Это относится, прежде всего, к упоминаемым в тексте «*Origo*» всевозможным гаданиям, оракулам, знакам, посылаемым богами, жертвоприношениям, придающим некоторую последовательность данному выводу. К тому же, образованность автора и его интересы (особенно параллели с «Сатурналиями» Макробия) позволяют предположить именно эту дату. Что касается принадлежности «*Origo*» к корпусу текстов Аврелия Виктора, то это является дополнительным элементом неопределенности и предметом постоянных дискуссий. Действительно, если формирование корпуса относится к последней трети VI в. или даже к началу следующего столетия, теоретически допустимо, что «*Origo*» появился во время создания или чуть позже «*Liber de Caesaribus*» Аврелия Виктора.

В-третьих, предисловие к «*Origo*» следует рассматривать именно как оригинальное вступление к тексту, а не ко всему корпусу текстов Аврелия Виктора. В нем мы можем увидеть переработки и вставки, сделанные неизвестным составителем корпуса в целях минимальной связности для читателя всех трех текстов.

В-четвертых, «*Origo gentis romanae*» представляет собой достаточно цельный и структурно единый текст повествовательного характера, в отличие от «*De viris illustribus*» и «*Liber de Caesaribus*» Аврелия Виктора. Его можно сравнить с анналами, или, что было более актуально для IV в., брeвиарием, хотя неизвестный

автор и не выносил в заголовок два этих термина. Сам текст насыщен ссылками на различных историков, анналистов и антикваров, главным образом, относящихся к эпохе республиканского Рима или правления Октавиана Августа, что очень редко можно встретить в исторических трудах того времени. В «Origo» присутствуют фактологические ошибки, и не всех авторов мы можем ясно идентифицировать, но он дает нам представление о том, как выглядел один из аспектов римской исторической науки в IV в. н.э.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Banchich, T.M. 2007: The Epitomizing Tradition in Late Antiquity. In: J. Marincola (ed.), *A Companion to Greek and Roman Historiography*. Vol. I. Malden–Oxford–Carlton, 305–313.
- Behrens, H. 1887: Zur Origo gentis romanae. *Neue Jahrbucher Philologie und Paedagogik* 135, 769–782.
- Boer, W. den 1972: *Some Minor Roman Historians*. Leiden.
- Bonamente, G. 2003: Chapter Three Minor Latin Historians of the Fourth Century A.D. In: G. Marasco (ed.), *Greek and Roman Historiography in Late Antiquity Fourth to Sixth Century A.D.* Leiden–Boston, 85–127.
- Brown, P. 1971: *The World of Late Antiquity. From Marcus Aurelius to Muhammad*. London.
- Durov, V.S. 2022: *Istoriya rimskoy literatury [The History of Roman Literature]*. St. Petersburg.
- Дуров, В.С. 2022: *История римской литературы*. СПб.
- D'Elia, S. 1965: *Studi sulla tradizione manoscritta di Aurelio Vittore: Parte I. La tradizine diretta*. Napoli.
- Haniszewski, K., Karas, L., Koch, K., Parobek, E., Pratt, C., Serwicki, B. (transl.) 2004: *Origo Gentis Romanae*. New York.
- James, E. 2008: The Rise and Function of the Concept “Late Antiquity”. *JLA* 1(1), 20–30.
- Marcone, A. 2008: A Long Late Antiquity? Consideration on a Controversial Periodization. *JLA* 1(1), 4–19.
- Momigliano, A. 1958: Some Observations on the “Origo Gentis Romanae”. *Journal of Roman Studies* 48.1/2, 56–73.
- Mommsen, Th. 1877: Zu der Origo Gentis Romanae. *Hermes* 12(4), 401–408.
- Peter, H. 1912: Die Schrift “Origo gentis Romanae”. *Berichte uber Verhandlungen des konigliche sachsische Gesellschaft der Wissenschaften zu Leipzig* 44, 71–165.
- Puccioni, G. 1958: La composizione dell’ “Origo gentis Romanae”. *Annali della Scuola Normale Superiore di Pisa* 27, 211–223.
- Richard, J.-C. 1983: Introduction. In: J.-C. Richard (texte etab., trad. et comm.), *Pseudo-Aurelius Victor Les Origines du Peuple Romain*. Paris, 7–71.
- Sehlmeyer, M. 2004: *Origo Gentis Romanae: Die Ursprunge des romischen Volkes*. Darmstadt.
- Schmidt, P.L. 1978: Das Corpus Aurelianum und S. Aurelius Victor. In: *RE Supplementband* 15, 1583–1676.
- Smith, C.J. 2005: The Origo Gentis Romanae: Facts and Fictions. *Bulletin of the Institute of Classical Studies* 48, 97–136.
- Stover, J., Woudhuysen, G. 2023: *The Lost History of Sextus Aurelius Victor*. Edinburgh.
- Sokolov, V.S. 1963: Anonimnye rimskie istoriki IV veka n. je. [Anonymous Roman historians of the fourth century A.D.]. *Vestnik MGU. Seriya “Istoriya”* [Bulletin of Moscow State University. Series “History”] 1, 62–75.
- Соколов, В.С. 1963: Анонимные римские историки IV века н. э. *Вестник МГУ. Серия «История»* 1, 62–75.

HISTORY WITHOUT A HISTORIAN: “ORIGO GENTIS ROMANAE” AS AN INDEPENDENT SOURCE IN LATE ROMAN HISTORICAL DISCOURSE

Dmitriy V. Kareev

Ivanovo State University, Ivanovo, Russia

E-mail: dima75ru@yandex.ru

This article represents the first attempt in Russian historiography to examine various approaches to the dating, authorship, and structure of one of the most important sources of Late Antiquity, the “*Origo gentis Romanae*”, as well as its place within Late Roman pagan literature. By addressing these issues, it becomes possible to approach the “*Origo gentis Romanae*” as an independent and distinct work, rather than merely as a part of the corpus of texts attributed to Sextus Aurelius Victor, a view largely maintained in Western historiography.

Keywords: Late Roman Empire, Latin pagan historiography, *Origo gentis Romanae*, Sextus Aurelius Victor, breviary, epitome

